Ксения Александрова

Большой Бу

Ксения Александрова

Большой Бу

«Издательские решения»

Александрова К.

Большой Бу / К. Александрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965985-9

Многие говорят, что в их жизни был главный человек. Конечно, людей всегда много, и каждый из них важен по-своему, но есть и те, чья участь неизмерима. Таким был мой дедушка Вик. Он был изобретателем. Если Кто то узнает, что мне тяжело просыпаться, потому что дедушки нет, он вернёт мне его?

ISBN 978-5-44-965985-9

© Александрова К.
© Издательские решения

Большой Бу

Ксения Александрова

© Ксения Александрова, 2019

ISBN 978-5-4496-5985-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обо мне для тебя.

Меня зовут Джонни. Мне скоро будет 13.Со мною живёт мама. Она работает в Пекарне, что находится изрядно далеко от нашего дома в квартале Нолита, на Брум Стрит. Каждое утро мы вместе выходим из дома, доходим до перекрестка, а затем прощаемся. Я иду в среднюю школу, а мама на работу. В это время птицы только начинают просыпаться, а приходит мама поздно вечером, когда эти же самые птицы укладываются спать. Я люблю маму потому, что:

– у нее смешные веснушки на носу, похожие на маленькие оранжевые кляксы

– люблю ее большой пушистый свитер, похожий на облако

– люблю фотографию, на которой мы с ней впервые пошли в зоопарк, и которую она до сих пор хранит

– люблю, как от нее пахнет корицей

– люблю знать, что она есть

А ещё люблю черешню и песни, которые поются для меня на «та-та-таа», чтобы в конце обязательно было грустно и протяжно. Хочу сказать, что мои родители познакомились в районе 52-улицы, центре джазовой культуры, именно там, где в одном из домов жил Франк Синатра. Видимо, это была любовь с первого взгляда, если на следующий же день они вместе уехали в другой город искать пластинки Smiths и Beatles. Мне кажется, что это достаточно неплохой повод сорваться и познакомиться поближе. Надеюсь, я появился под одну из очень хороших песен.

И о дедушке.

Многие говорят, что в их жизни был главный человек. Конечно, людей всегда много, и каждый из них важен по-своему, но есть и те, чья участь неизмерима. Таким был мой дедушка Вик. Он был изобретателем. Если бы у него спросили, какой дом стал бы для него идеальным, то он бы описал низкий дом у моря, где входная дверь по размеру была бы почти равна балконной по ширине, в котором было бы много полезных, но обязательно не использующихся вещей, оставленных на потом, множество часов в каждой из комнат и один постоянно работающий телевизор.

В дедушке мне нравилось то, что он мог быть в прошлом кем угодно; инженером, кораблестроителем, учителем или врачом. За это я его невероятно любил. Самое грустное в том, что он умер. Думаю, что на земле должна быть такая категория людей, которым нельзя умирать, без которых что-то останавливается. Если Кто-то узнает, что мне тяжело просыпаться, потому что дедушки нет, он вернёт мне его?

– С чего всё началось-

Мы с мамой по выходным раньше ходили в пекарню. Я часто отставал от неё из-за того, что подолгу крепил велосипед к дереву. И потому мама всегда оказывалась в магазине раньше меня, а мне оставалось только торопиться за нею.

Однажды в этот самый момент, пока я разбирался с велосипедом, передо мною ниоткуда появился громадный человек. Он будто выпрыгнул из тягучего воздуха, схватил меня за плечи и глухо произнёс :

– Бу! Вот ты и попался!

Я вздрогнул, потому что не знал, что ответить ему, а ещё потому, что мне понравились его руки, и как он затряс меня. Фух. Почти как дедушка.

Он обнажил стройный ряд белых зубов и захохотал. Незаметно для меня мои губы тоже сложились в улыбку, и тогда, всё ещё боясь посмотреть на Большого Бу (в ту минуту я точно понял, как буду его называть) я протянул ему свою влажную от стеснения ладонь и быстро, заикаясь, произнёс :

– Здравствуйте, кто вы?

Незнакомец тогда засмеялся, от этого мне стало неловко, и я представил, будто на меня начинают наползать огромные куртки и пальто, чтобы спрятать меня, но я начинаю потеть и волноваться, и потом падаю под тяжестью всей этой одежды.

Почему я так волнуюсь?
Интересно, сколько лет Бу?
Есть ли у него дети, похожие на меня?
Моя мама уже начала поиски?

Обхватив обеими руками круглый живот, Бу продолжил смеяться. От смеха у него заслезились глаза, он начал щуриться, тереть их руками и, наконец, загадочно произнёс :

– Я волшебник-фокусник дальних полей, только не говори об этом своей маме, она тебе скажет, что меня не существует!

Я сказал ему :

– Круто, я люблю поля. Я никогда не бывал в них, и потому они интересны для меня.

Внутри меня значило:" Ты врёшь мне?»

Я не знаю, верил ли я в поля. В его поля. Но почему-то представив плотно зашторенные окна его комнат, которых не касается свет даже в полуденные летние часы, я почесал затылок и на несколько мгновений представил пихтовые плантации за этими тёмными шторами. Такие люди просто обязаны что-то скрывать, завораживая этой тайной остальных. А тайны я, конечно, обожал. Я хотел ещё спросить его о полях, но почему-то вместо этого промямлил :

– Я пойду, меня мама ждёт.

В ту же минуту я подумал, что эта фраза поднялась сразу же на вершину хит-парада самых дурацких фраз, сказанных мною в течение всей жизни.

– Эге-гей, значит сегодня у вас будет пир. Когда я был моложе чем сейчас, мы дома часто сами пекли пироги и небольшие лепёшки… вместе с Эми, -задумался Большой Бу.

Я недовольно покачал головой:

– Ну и что с того, моя мама тоже умеет.

Громадина рассмеялась, посмотрела по сторонам, после чего наклонилась ко мне и сказала:»

– Тс, ты ничего не понял! Я же не сказал главного, все наши лепёшки и пироги были совсем непростыми, да и Эми была совсем непростая, она все время рассказывала мне про зверей.

Во мне вдруг проснулась какая-то невиданная смелость никак не сочетающаяся с ещё недавней робостью.

– Что они? Что в них было такого? И кто такая Эми? -недовольно сказал я и толкнул свой велосипед, некрасиво сползший вниз по дереву.

Я повернул к нему голову. Мне жуть, как нравилось слово «старина», оно было похоже на бывалого матроса.

– И о каких зверях рассказывала Эми?

Я закатил глаза.

Внутри это значило: «Снова врешь?»

– Самые обычные!

– И только?

Я махнул рукой.

Бу высунул язык и показал мне, а потом пожал плечами, и его лицо вдруг сделалось грустным.

– Теперь зверей совсем не осталось…

– Ну, а где же тогда те, которые были? Переспросил я.

Бу собрался уходить.

– Об этом тебе лучше не знать. Все они в печальном Лесу. Там стоят их маленькие одинокие дома. Осенью их крыши укрыты опавшими листьями, зимой в окна этих домов стучится северный ветер и дышит на стёкла, весной дома затапливаются ручьями, а летом солнце нагревает крыши так, что этого тепла хватает до следующей зимы. В этом лесу все одинокие и все стараются спасти друг друга. Звери вяжут шарфы и надевают деревьям на их худые шеи, а те в свою очередь нашептывают истории, подслушанные где-то. И нет в том лесу случайных путников.

Я задумался. Бу почесал голову и громко сказал.

– Может насчёт путников я и выдумал, но всё остальное здесь чистая правда. Вижу, ты хочешь зайти как-нибудь ко мне? Только уже не в моих силах показать тебе лес.

Большой Бу положил мне руку на плечо, также как и в начале нашей встречи. Я ничего не ответил, чувствуя, как северный ветер забирается мне под куртку.

Об этом надо сказать, даже если не хочется.

Я вспомнил, что где-то видел Большого Бу. Его балкон находился в соседнем трёхэтажном доме, что чудом сохранился с времен конца 18-начала 19 веков. Он был полон всяких странных и интересных вещей. Часто Бу стоял на своём пожилом балконе и подолгу смотрел вдаль. Честно говоря, он хоть и был в отличной форме, но отдавал дань своему возрасту. Когда я узнал, что ему 75 лет, то был в ужасе, ведь если превратить все его годы в килограммы и сбросить хотя бы с его третьего этажа, то ими можно запросто придавить кого угодно.

А если в тонны?

Интересно, что подразумевают люди, говоря «под тяжестью лет».

И всё-таки, если бы я мог бы стать на пару минут конвертером прожитых лет, то я сравнил бы их с:

75= 75 герберов
75 поглаженных котов и собак (одновременно встреченных)
75 бабушкиных яблочных пирогов
75 долларов на новый велосипед
75 билетов на 7 самых любимых фильмов
75 выпитых банок газировки за один день (ну ладно, за два)
75 падений с качелей из старой шины в пруд
75 новеньких теннисных мячиков с автографами самых крутых игроков разных лет
75 попыток забрать назад невпопад сказанные слова
75 пар промокшей обуви

Соответственно
75 попаданий под дождь
75 поездок на лифтах вверх-вниз (с повторением в каждые три дня)
75 крыш, на которых 75 оставленных посланий в 75 бутылках
75 шрамов на коленках, превратившихся в один большой
75 опозданий домой с поздней прогулки
75 несделанных домашних работ
75 забытых зонтов
75 голов за всю историю школьных футбольных матчей
75 отравлений вкусной, но вредной едой
75 случаев вранья (во спасение и нет)
75 поцелуев с девушками, от которых пахнет персиками и юностью
75 слов в истории, которую никогда нельзя дописывать
75 выкуренных сигарет (это только тех, что тайком)
75 самых прекрасных обедов
75 раз увидеть море и 75 раз так, словно это впервые
75 раз попасть в дорожную аварию
75 хлопьев класть каждый раз в завтрак на утро, и ни разу ни на одну больше
75 постельных восторгов (так говорит моя мама)
75 громких рыданий
75 разбитых тарелок
75 раз простудиться

Неужели среди всего этого не найдётся пара-тройка раз, когда я мог бы увидеть дедушку снова? Даже если это будет несколько раз по 75 долларов.

– 1-

– Джонни, с кем ты так долго разговаривал?

Спросила мама, стоило ей только выйти на улицу.

– Да ни с кем, так…

Сказал я и сразу отвернулся.

Мама слабо улыбнулась и посмотрела на меня.

– По-моему, этот кто-то тебе понравился, только я не понимаю, почему ты не хочешь рассказать мне?

Я снова замялся. Рассказывать маме о том, что мне нравится или не нравится, -это странно. По крайней мере, для меня. Уверен, что для всех остальных это в порядке вещей. Не знаю, как объяснить, но когда у нас с ней начинается разговор, я почти всегда кажусь себе неловким. В ту минуту я думаю не о предмете разговора, а о том, что мама подумает обо мне, когда он закончится. Это очень нехорошее чувство, но в этот раз я ответил.

– Это был один мужчина. Его балкон находится недалеко от нашего.

Я выдержал нужную паузу и добавил.

– Этот мужчина -обладатель самого большого в мире сердца и балкона.

Выдох.

Мама наклонила голову влево и посмотрела на меня.

– Ты говоришь о том балконе, который полон всякой рухляди?

– Вовсе и не рухляди.

– У тебя странные представления о красоте, Джонни.

«Раньше наши представления дружили» -подумал я про себя, но не сказал этого вслух. Мама не поняла бы такого.

– И что тебе рассказал этот обладатель балкона?

Мама сложила руки на груди, и это означало, что она почти готова отречься от этого разговора.

– Да ничего особенного, мелочи всякие.

Мама вдруг нагнулась ко мне. В её левой руке был пакет с пончиками.

– У этого мужчины никого нет, Джонни, я его тоже часто вижу. Его зовут Биаджио. Он итальянец, эмигрировавший сюда много лет назад. Видимо, его семья не пожелала с ним ехать. Мы могли бы сходить к нему в гости. Думаю, тебе это понравится.

В моих глазах всё сказанное превращалось в одно громкое: «Мам, что? Откуда ты всё это знаешь?». Но я не произнес не слова, а только закрыл глаза и улыбнулся. Это было согласие на сто процентов.

Uno secret to.

Когда я пришел домой, то первым делом перерыл все онлайн-сборники итальянских имен и их значений. Не знаю почему, но для меня это было важно. Каждое имя может раскрывать человека, хотя бы капельку. Так вот, когда я наконец нашел его имя, то убедился, что это одна из самых прекрасных находок. Я записал это на листе и убрал в свой синий блокнот

Биаджио-разговаривающий шёпотом.

– 2-

Следующим вечером мама вернулась домой раньше обычного, она положила сумку в прихожей и быстро вошла в мою комнату.

– Джонни, думаю, пришло время для выполнения моего обещания. У Биаджио горит свет, мы можем идти к нему прямо сейчас.

Я встал с кровати и удивлённо посмотрел на неё.

– Что, даже есть не будем?

– Думаю, нас угостят.

Подмигнула мне мама.

– Одевайся, я возьму с собою бутылку вина, он же всё-таки итальянец, и думаю не оценит, если мы придём с пустыми руками.

Она ушла, а я остался у себя в комнате. Мне хотелось хлопать ящиками комода, громко кричать песни, случайно услышанные мною на радио и хлопать дверями шкафа, разбрасывая из него все вещи. Словом, это была абсолютная радость.

Думаю, что для настоящей радости слов обычно бывает недостаточно.

Поэтому пусть будет просто»!».

– 3-

– Мам, а нам долго идти?

Спросил я, как только мы вышли из дома.

– Шутишь? Ты вроде бы и сам прекрасно знаешь.

– Вроде знаю, но хочу услышать это от тебя.

– Ну, еще метров 70, не больше.

Я удивлённо посмотрел на неё.

– Надо не так, до этого я и сам мог бы додуматься, метры какие-то, хочу как раньше.

– А как тогда надо?

Мама нагнулась и посмотрела на меня, что значило: «Эй, ты не знаешь, чего хочешь».

Потом она посмотрела на небо, от которого остался только маленький кусочек, всё остальное было спрятано в оранжевых, желтых и красных деревьях. Воздух щекотал нос, забирался под воротник, ерошил волосы и гонял по дорогам опавшие листья. Всё вокруг пахло октябрём, гнилой листвой, дождём и корой деревьев.

Я щёлкнул пальцами перед её носом.

– Ты чего?

– Всё нормально, Джо, смотри, мы почти пришли, вон его дом.

Мама ткнула пальцем в красную громадину, вставшую поперёк улицы.

Я остановился и посмотрел вдаль. Это был тот самый дом, тот самый балкон. Теперь он был усыпан листьями, и деревянные перегородки казались темнее чем обычно из-за дождей.

– Не медли, до дома остался один слон, -шепнула мама.

[средняя длина слона 5,5—7 метров]

– 4-

Мы прошли ещё немного, и буквально столкнулись с его домом нос к носу. Дом был реставрированным, трехэтажным, и Большой Бу разделял второй и третий этаж. У него была двухэтажная квартира и витой балкон. Думаю, с него отлично видно город вечером.

К счастью и удивлению, дверь оказалась незапертой, и мы быстро поднялись по лестнице на второй этаж. Это, действительно, удача, ведь мы не имеем ни малейшего понятия, о том, какой код его квартиры. Когда мы вошли, мне больше всего понравились остатки итальянской мозаики, сохранившиеся на стенах, поэтому я осторожно провел по ним пальцем.

– Интересно, сколько лет в этом доме не было ремонта…

Задумчиво произнесла мама и провела вслед за мною рукой по стене, с которой будто тут же отскочил небольшой цветной кусочек.

– Дошли, у него квартира С2, – сообщила мама.

– Мам, нажми на кнопку звонка уже.

Мама усмехнулась и зажала звонок, и мы с ней тут же услышали его звук в квартире Бу, а потом лай и мерный стук ботинок по полу.

– Идёт…, -подумал я про себя и почему-то испугался.

Странное дело, когда ты очень ждешь чего-то, а потом, когда это наконец происходит, ты начинаешь бояться или сомневаться. Думаю, это специальный механизм проверки.

Первым, что я видел, был его глаз в линзе открытого глазка.

Вторым, чёрную полоску на жёлтой крашеной стене в коридоре его квартиры.

Третьим, коричневого пса со спутанной шерстью.

– Добрый вечер, Биаджио. Меня зовут Мари, это мой сын-Джонни, вы с ним, кажется, знакомы, -проговорила мама.

Бу всё это время стоял в дверях и смотрел на нас. У него были ужасно красивые коричневые ботинки, но почему-то звук, которые они издавали при ходьбе, ассоциировался у меня со звуком старости, а не уверенности. Бу был в полосатых сине-белых штанах, вытянутой майке и сером свитере с большими пуговицами.

– Никого не вижу, – спокойно ответил Бу моей маме и закрыл глаза руками.

Я сдавил смешок за маминой спиной.

– Как это не видите, мы прямо перед вами, -сказала моя мама и помахала рукой прямо перед его носом.

Бу повернулся к псу.

– Сид, мне нужен бинокль, а старый ты загнал под кровать. Придется делать новый, мне говорят, что кто-то есть, а мне кажется, что нет.

Сид посмотрел на хозяина, а потом отошел в угол комнаты и распластался на полу. Бу потянул руку к своей серой кофте и оторвал от неё огромную пуговицу, после чего немного потер ее рукавом, направил на нас и посмотрел в отверстия. Он прищурился, вытянул руку и потом закричал!

– Вот вы где! Зачем же было прятаться. У меня готова пара отличных беглзов, а вы не прошли до сих пор. Долго собираетесь стоять? Так можно и прирасти к полу.

Мама деланно замялась. Я уже знал, что она делает так по привычке, зная, что так обычно полагается.

– Понимаете, мы не предупреждали вас о том, что придем…

Бу строго посмотрел на неё.

– Вы использовали моё право на последний бинокль. Теперь вы в моих глазах. Понимаете, я вас запомнил?

– 5-

Думаю, стоит начать с того, что от количества увиденных здесь вещей, у меня захватывало дух. Здесь было по частичке от каждой эпохи; небольшое изображение Мадонны, лоскутное одеяло, серебряные и хрустальные безделушки, деревянные фоторамки и один ботинок, сшитый давным-давно на итальянской фабрике. Здесь едва можно было найти что-то истинно Нью-Йоркское, всё было совершенно иным, и от этого привлекало еще больше. После увиденного, я совершенно точно убедился, что больше никогда не буду выбрасывать вещи, даже если мама будет просить об этом, а я готов поспорить, что она будет так делать. С первой же секунды мне захотелось остаться в этом доме.

Мама обвела пространство рукой и улыбнулась.

– У вас тут столько всего…

– Сколько всего?

Бу сел на диван и посмотрел на нас.

– Всего лишь одна жизнь. И только.

Я наклонил голову и посмотрел на него, что означает: «Мне понравилось, как ты сказал об этом».

– Пойдёмте на кухню, – сказала с выдохом мама.

Она ужасно не любила, когда кто-то говорит такие слова, к которым она не может подобрать другие, вяжущиеся в ответ или продолжающие разговор, потому в таком случае она просто переводит тему или уходит.

Я встал с дивана и пошел на кухню, Бу медленно потянулся за мною. Вместе мы вошли в небольшую комнату с белыми стенами, и каждый выбрал себе подходящий стул. Бу громко откашлялся и сел, я сел рядом с ним, а мама напротив нас.

– Ты смотришь на меня? -спросил меня Бу.

– Это я так просто, -сказал я.-Интересно.

– Главное не смотри так, будто что-то не так, а то это обидно.

Бу подмигнул мне, а я ему в ответ.

– Нужно достать пирожные, -громко сказала мама.

Бу встал и подошел к шкафу, где на первой полке, аккуратно завернутые в пергамент, лежали миндальные и шоколадные пирожные.

– Вы будете пирожные, Биаджио? -спросила мама.

– Нет-нет, это перебьёт весь вкус. Я собираюсь заварить для вас тисану с облепихой, – размеренно сказал Бу.

Мы с мамой переглянулись.

– Что такое тисана?

– У нас так называют травяной чай, а у вас вообще чай не пьют! Как так?

Мы засмеялись.

Наконец, по всему дому распространился запах облепихи. Было очень тепло и уютно. Мне нравилось, как Сид кладет мне свою голову на колени и смотрит в глаза, когда хочет что-то выпросить. Нравится, что мы с Бу кормим его, когда мама отворачивается. Нравится мама с растрёпанными волосами и цветочной кружкой в руках.

Вдруг мама отставила пирожные (чтобы было лучше видно Биаджио) и начала свои расспросы.

– Вы, наверное, думаете, что это странно. Вы понимаете о чём я, мой сын случайно заговаривает с вами на улице, потом толкует мне о вас, и мы вдруг берем и приходим в гости. Даже безо всякого предупреждения! Разве так правильно?

Бу запустил руку себе в волосы и взъерошил их, а потом громко рассмеялся. От его смеха подпрыгивали тарелки и чайные ложки.

Мама совсем сконфузилась, она посмотрела на меня, потом снова на Бу и почти испуганно спросила у него.

– Почему вы смеетесь?

Бу вздохнул и посмотрел ей в глаза.

– Потому что все, что вы говорите, совершенно нормально. Люди должны знакомиться с другими людьми, должны узнавать их, видеть в них тайну и приходить к ним. Именно то, что происходит без предупреждения и представляет ценность. Потому что это по-настоящему.

Последнее слово он проговорил шепотом, после чего откинулся на спинку стула и добавил.

– Не задавайте больше мне таких вопросов, иначе мы не подружимся.

Мама замолчала и принялась усиленно пить чай, наверное, за всю жизнь она не выпила столько чая, сколько в этот день. Я смотрел на неё, и видел, как много мамы помещается со стыда в чашку. Тогда я подмигнул Бу и с трудом добавил.

– Расскажите маме о себе. И мне тоже будет интересно послушать.

Бу забрался на стул с ногами, что было крайне странно для его возраста и сказал серьезно.

– Рассказал бы, если бы знал о себе чуть больше вашего.

Мама недоумённо посмотрела на него, и он продолжил.

– Ладно, как меня зовут, вы уже знаете. Раньше я работал архитектором, и, честно говоря, ни разу не пожалел об этом. Для вас, это тоже может показаться странным, потому что люди обычно жалеют о выбранных профессиях, но почему-то продолжают их выбирать. Я люблю ставить кровать ближе к окну и осознавать, что солнце встаёт прямо из-под моих пяток, люблю смеяться так долго, что потом сложно дышать, люблю смотреть в лица прохожих и оценивать вероятность того, что кто-то из них может скрывать в себе моего друга, люблю принимать гостей, люблю своего пса и…, -он снова откинулся на спинку стула и тихо сказал.

– Остальное потом. Так неинтересно совсем.

Я думал о том, что после такого мама точно побоится отпускать меня к Бу. Ведь он взрослый, а рассуждает не по-взрослому (что ужасно нравилось мне, и никак не могло нравиться маме), но она превзошла саму себя, когда мигом допила свой чай, положила свою руку на руку Большого Бу и вкрадчиво произнесла.

– Вы можете мечтать вместе с моим сыном. Думаю, он захочет приходить к вам чаще, - мама толкнула меня локтем.

Я улыбнулся настолько широко, насколько только мог.

– Только вы простите, что мы съели все пирожные, но думаю, что Джонни будет продолжать так делать и дальше, всякий раз, как будет заходить к вам.

– Я буду всегда рад видеть Джонни, а насчёт пирожных не беспокойтесь, я всё равно их почти не ем, так что это мелочи. Вот однажды Сид съел полный пакет лакрицы, отчего у него склеились между собою челюсти, после этого ему пришлось засунуть морду в холодильник и сидеть так до тех пор, пока лакрица не замёрзнет, а потом мы разбивали её маленьким молоточком.

– Молоточком? -у мамы глаза раскрылись так широко, что мне стало страшно.

Бу накрутил свой ус на палец и невозмутимо продолжил.

– Ну да, лакричным молоточком, чем же еще? Скажете, вы никогда не ели лакрицу. Ну и странно же.

Он снова вздохнул, а мама замолчала. Я засмеялся, и она тоже улыбнулась, а потом начала громко смеяться, а потом захохотал и Большой Бу. Смех его наполнил комнату, как раскаты грома.

Мне нравилось, что мы впервые видим друг друга, но сидим за одним столом, пьём чай и умудряемся смеяться над одной шуткой. Раньше я не поверил бы в такое. Слишком неправдоподобно. Я подумал, что в следующий раз мне обязательно надо будет добраться до балкона. Я закусил губу и думал об этом, пока Бу не сказал.

– Теперь можем пройти к балкону. Мне нравится это место больше всего.

Теперь мне кажется, что я надолго запомню, как мы втроём ютимся на этом витом балконе, полном забытых вещей. Мы бросаем себе под ноги листы с рисунками и стоим на них, как на айсбергах. Мама смешно перепрыгивает с одного айсберга на другой. Я качаюсь на перилах и двигаюсь в такт музыке, которую никто не слышит, но где-то она точно звучит. Хорошо, что этаж, на котором живет Бу, последний, он ближе всех остальных знаком с облаками и звёздами.

– 6-

– Вот здорово, да?

– Мам, ты рада, что мы сходили?

– Правда, у него классный балкон?

– Спорим, там можно поставить даже виниловый проигрыватель?

– Маааам!

Наверное, это самая малая часть вопросов, которые я задал маме после того, как мы с ней вернулись домой от Большого Бу.

Она же отвечала совсем просто.

– Хорошо, мы сходим к нему ещё.

– И не говори мне больше не слова про этот ужасный балкон, Джонни.

– Ничего особенного.

Но в один вечер, она подошла ко мне и протянула небольшой клочок бумаги, сложенный несколько раз.

– Это выпало у тебя из карманов джинс, когда я хотела их постирать.

Я подошел к ней и взял этот клочок. От него пахло порошком. Я удивленно посмотрел на маму, на что она быстро проговорила извиняющимся тоном.

– Да, я успела постирать его, но буквы вроде остались целы.

Я снова посмотрел на нее и она крикнула.

– Я не читаю твоих писем, Джонни! Держи!

Она вышла из комнаты, а я снова сел на кровать и развернул бумажный листок. Бумага была очень странной, думаю, на таких писали очень давно, иначе как объяснить то, что она успела ТАК пожелтеть. В некоторых местах хвосты букв оказались уничтожены маминой стиральной машинкой, но тем не менее что-то мне удалось разобрать.

С одной стороны крупным почерком красным маркером было выведено.

– Я подбросил тебе это, пока ты играл с Сидом. Ты делал это так долго, что я мог бы уместить в твой карман целую корову, но на этот раз ограничусь этим. Посмотри, что я написал.

Внизу мелко было подписано: «Не знаю как тебе, но мне кажется, что это красиво», дальше шла маленькая стрелочка, говорящая «а теперь разворачивай наконец».

А дальше было вот что:

– Там, где хлопают крышки почтовых ящиков-

– Вступление. Вверх на две ступеньки от входа-

В Италии в моём доме было несколько почтовых ящиков. Многие жильцы давно съехали, и потому их ящики было решено снять. Но были среди обитателей и те, которые искренне любили дом, любили его белые полуразрушенные балконы, заросшие виноградом, конечно, они не были такими прекрасными как прежде, но в этом была своя прелесть. Когда ты долго живёшь в одном и том же доме, ты с течением времени перестаёшь замечать отваливающуюся штукатурку, щербатые ступеньки и выцветшие стены.

Ты перестаёшь замечать эти несовершенства, потому что ты тоже становишься несовершенен. Ты просыпаешься, смотришь в зеркало на лицо с тенью морщин, выходишь в дом, где крошится известка, и понимаешь, что ты стареешь вместе с домом. Стареешь, чувствуя, какое-то странное родство. Ласково проводишь по проводам, тянущимся из стен, по изъеденным перилам, заглядываешь в мутные окна, делая вид, будто что-то видишь в них, чтобы воодушевить дом. А потом уходишь, пожав на прощание его металлическую ручку. И кажется, будто дом знает, что ты вернешься вечером. Потому что, только твёрдо зная, можно так преданно ждать.

Дочитав, я положил это письмо в коробку с самыми и дорогими вещами (вы ведь понимаете, о чём я, у многих такая должна быть).

Нужно было срочно назначить день, когда я встречусь с Большим Бу снова. У меня уже был составлен список возможных дел, которые мы с ним сможем делить на двоих, когда будем видеться.

Например:

– пить молоко прямо из холодильника

– строить шалаш на его балконе сразу из нескольких стульев

– дуть воздушные шары и давать псу лопать их, когда ему захочется

– попробовать курить трубки или сигары (в фильмах тот, кто эффектно курит, всегда более загадочен, чем тот, кто этого не делает)

– построить небольшой телескоп из линз, случайно завалявшихся у него на балконе

– кормить в парке уток, кидая хлеб поочередно в воду на разные дистанции. Та утка, которая победит, сможет его съесть. Так намного честнее, чем просто сыпать в воду крошки.

В тот день, я почему-то решил, что мама знает о Большом Бу или о Биаджио, как называет его она, куда больше, чем я. Поэтому, дождавшись её с работы, я решил устроить ей небольшой допрос. Допрос не был совсем ужасным, потому как состоял только из взрослых вопросов. Конечно, там не было ни слова не по делу. Маме бы это понравилось.

Когда часы медленно толкнули семерку и стали тянуться к восьмерке, повернулся ключ во входной двери, и затем вошла мама. Я сразу подбежал к ней и спросил.

– Мам, что ты ещё знаешь о Биаджио? Расскажи мне!

Мама недоумённо посмотрела на меня и возмущенно сказала.

– Разве нам необязательно сначала здороваться?

Я быстро спохватился и продолжил.

– Прости, мам, привет. Так ты знаешь что-то о Большом Бу или нет?

Мама села на пуфик в коридоре, и посмотрела вниз.

– Ну, слышала кое-что. Говорят, что у него семь лет назад жена умерла, а перед этим он пять лет ухаживал за ней… это, конечно, страшно и тяжело было. А потом когда её не стало, у Биаджио нашли рак, ему операцию делали.

Мои глаза округлились.

– Рак?!

Я представил огромную амфибию, крепко держащую в своих клешнях беззащитное сердце Бу и сдавливающую его.

Мне пришлось проглотить небольшой комок накопившейся слюны, а потом я снова выжидающе посмотрел на маму.

– Ну а сейчас с ним все нормально?

Мама посмотрела на меня и улыбнулась.

– Я очень надеюсь, что да, тем более теперь у него есть ты.

Этот день стал официальным днём, когда мне разрешили приходить к Большому Бу, когда мне только захочется.

– 7-

Этим утром я проснулся рано. Школы сегодня не было, значит теоретически я мог заняться чем угодно. Походив по дому, я понял, что мамы нет дома. Надо было быстро собраться и идти к Бу. Может показаться, будто я тороплюсь, чтобы не попасться маме на глаза, но это не так. Она же мне разрешила приходить к нему. Это звучит странно, и совсем непонятно, к чему я клоню. Но просто, если ты делаешь что-то тайно, то это становится интереснее. Поэтому я представлю, что замышляю побег. С одной стороны это получается крайне безопасно, потому что побег мне официально дозволен, но с другой стороны так я обманываю себя. Я вышел из дома и медленно пошёл вверх, ловя себя то и дело на странных мыслях и вдруг оказался у красного дома.

Здесь я остановился, теперь после того, как я уже пришел, я начал раздумывать, стоит ли мне вообще туда заходить, будет ли он меня ждать. Но если бы я не зашел, то мой план можно было бы считать совершенно провалившимся.

– Отступление 1-

Пока я стоял у дома, раздумывая стоит ли мне заходить или нет, мимо меня прошла изрядно пожилая пара. Они шли настолько неспешно, что на секунду мне показалось, будто мир остановился. Они шли, не расцепляя рук. Так уверенно, как только большой корабль может идти через волны. Когда они оказались так близко ко мне, что если бы между нашими ногами положить линейку, то хватило бы даже двадцатисантиметровой, я услышал, как этот мужчина вполголоса сказал своей спутнице.

– Ты же знаешь, я всё равно всегда и везде буду с тобой.

Она улыбнулась. На секунду я сделал также, а потом вдруг мне стало невероятно грустно.

Говорил ли дедушка Вик когда-то так моей бабушке?

Может если бы говорил, всё сложилось бы по-другому?

Почему у Большого Бу теперь нет никого, кому бы он мог так сказать?

– 8-

Я постоял ещё немного и вошел внутрь. Сквозь окна, на которых кое-где уцелели мозаичные вставки былой эпохи, резко светило солнце. Миновав всё это, я подошел к той самой квартире С2 и нажал кнопку звонка, за дверью кто-то громко залаял.

– Сид.

Вздохнул я и приставил ухо вплотную к двери, чтобы услышать шаги Большого Бу. Но никаких шагов не было, кроме лая я услышал только какой-то странный звук, напоминающий дерганье тугой натянутой веревки, за которым следовал какой-то звон. Только спустя несколько минут раздался скрип кресла и шаги.

Бу открыл мне дверь и я быстро зашел в коридор.

– Наконец-то! Я уже уходить хотел, -недовольно сказал я.

Большой Бу разозлился, он схватил меня за руку и повел на кухню. Через весь дом тянулись странные бечёвки и привязанные к ним механизмы.

– Я кое-что придумал, пока тебя ждал. Смотри, если ты нажмёшь на звонок, то вот это устройство, -он показал на маленькую коробочку с проводами у двери, -сработает, оно подтолкнет эту веревку, которая привязана к ручке, -он повел меня в коридор, -здесь она коснется выключателя, а здесь самое главное, Сид увидит, как она раскачивается, решит прыгнуть за ней, схватит лапами, натянет веревку и так ручка откроется!

Бу подпрыгнул на месте.

– Э, ты это серьезно? Это вообще недолговечно, рано или поздно Сид перестанет бегать за веревочками, и тебе придется открывать дверь самому.

– А если ко мне придет кто-то, из-за кого я отвлекусь, и пропущу что-то важное?

– Ты с ума сошел? -думал я про себя, а в душе мне ужасно нравился этот разговор, потому что в нем был весь настоящий Бу.

Он присел, задумался, а потом подошел ко мне и быстро затряс меня за плечи.

– Точно, этого момента я не учёл, ведь если Сид и вправду перестанет дергать верёвочку, то мне придётся завести ещё одного пса, а потом ещё одного, и ещё. Для каждого надо будет придумать имя, а когда они по очереди начнут умирать, то придётся каждому шить белый костюм, и обязательно чепчик, а у меня на это времени нет совершенно! Поэтому, пожалуй, я откажусь от этой идеи, входи.

Я шагнул в кухню и мне показалось, будто я вижу его дом впервые. Картины, висевшие в гостиной, висели теперь здесь, над большим столом, а статуэтка большого толстого кота, которую, как мне кажется, Сид терпеть не может, теперь куда-то исчезла. Я вопросительно посмотрел на Большого Бу и поймал себя на мысли, что, из 100% моих взглядов, адресованных ему, и случившихся с той поры как мы общаемся, были:

5%-недоумевающих

6%-восхищённых

9%-непонимающих

80%-удивленных

Это показалось мне очень классным, и я подумал, что с дедушкой было также. Поэтому я улыбнулся Большому Бу, обвёл рукой комнату и хитро сказал.

– Это как называется? Почему всё не на своих местах?

Бу зевнул и качнул рукой картину.

– Да так, пытаюсь давать вещам новую жизнь, думаю, на одном месте им приходится скучновато.

Я вопросительно посмотрел на него.

– А мы разве не на одном месте? Я вот например каждый день хожу в одну и ту же школу, мне нравится одна и та же Каролина, я дерусь с одним и тем же мальчиком, живу с одной и той же мамой, что и каждый предыдущий день. По-моему, мне тоже должно быть скучновато.

Бу уставился на меня и проговорил свою фразу так быстро, словно мы шпионы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.